

«ХРОНИКИ НЕСОСТОЯЩИХСЯ ПОДВИГОВ»
«ТЕНИ ГЛУХИХ КОРОН»

18+

Рой и Вивиан Шарп

**Хроники несостоявшихся
подвигов: Тени Глухих Корон**

«Автор»

2026

Шарп Р.

Хроники несостоявшихся подвигов: Тени Глухих Корон /
Р. Шарп — «Автор», 2026

Мир затих в один день. Море ушло от берегов, леса замолчали, а в горах треснул камень, покрывшись инеем. Никто не знает почему — но все чувствуют: что-то не так. В особняке Бюро Магических Ошибок царит другая тишина — тишина горя. Морвен, призрачная девушка, обретшая дом и любовь, потеряла Томлина. Она не верит, что он мёртв. Она ищет способ вернуть его — и готова идти до конца, даже если весь мир скажет ей, что это бессмысленно. А мир тем временем рушится дальше. Это история о потере и о том, как жить дальше, когда надежды больше нет. О дружбе, которая держится на честности, а не на клятвах. И о том, что иногда, чтобы спасти всё, нужно сначала потерять всё.

© Шарп Р., 2026

© Автор, 2026

Рой и Вивиан Шарп

Хроники несостоявшихся

подвигов: Тени Глухих Корон

Пролог

В горах стало тихо.

Обычно здесь всегда гулял ветер — он выл в ущельях, срывал снег с вершин, гнал позёмку по склонам. Эхо от обвалов раскатывалось между скал, птицы кричали, где-то внизу шумела река.

Но сейчас — ничего.

Как будто мир выключил звук.

Просто — щёлк. И тишина. Такая плотная, что давила на уши, заставляла глотать, про-
верять, не оглох ли ты.

Коренастый дворф стоял у входа в Верхнюю Кузницу. Его борода, заплетённая в семь кос с медными кольцами, слегка шевелилась от собственного дыхания — другого ветра не было. Он смотрел на склон напротив, туда, где веками лежал нетронутый снег.

Неожиданно там появилась трещина.

Она шла сверху вниз, неглубокая, но ровная — как будто кто-то провёл ножом по камню. Ни осыпи, ни сколов. Просто тонкая, идеально прямая линия, рассекающая серый гранит.

Снег, коснувшийся этой трещины, не таял.

Он становился тёмно-зелёным. Тяжёлым и мёртвым.

Дворф перевёл взгляд на свои руки. Ладони, в мозолях, покрытые старой золой и свежими ожогами, дрожали. От непонятного, ледяного холода, который разливался под рёбрами.

— Что это? — спросил он. Голос прозвучал глухо, как из бочки. Тишина не давала звуку разойтись.

В лесу стало тихо.

Здесь, в Великом Лесу, тишина была живой. Она дышала. Она ждала.

Старый друид, сидевший у корней тысячелетнего дуба, открыл глаза. Его борода, сплетённая с плющом, перестала шевелиться — растение будто уснуло. Он поднял голову, всматриваясь в крону, где обычно перекликались птицы.

Ветер перестал шевелить листву. Воздух стал вязким, тягучим, как смола. Казалось, если протянуть руку, можно нащупать его плотность.

Друид посмотрел вниз. У корней дуба, там, где всегда бурлила жизнь — муравьи, жуки, мелкие зверьки — всё замерло. Белка, сидевшая на нижней ветке, не двигалась. Её глаза были широко открыты, но она не дышала.

Она не могла.

Потом — звук. Как будто где-то глубоко под землёй треснул камень. Или кость.

Друид медленно поднялся. Его ноги, старые и корявые, как корни, дрожали. Он шагнул к стволу, положил ладонь на кору.

Дуб молчал. Обычно он дышал, шептал, пел — даже если никто не слышал. Сейчас он был пустым.

Друид пошёл к жилищам. Ему нужно было предупредить остальных. Хотя он уже знал, что они чувствуют то же самое.

Море изменилось за несколько минут.

Волны, которые всегда бились о причал портового города Радага с привычным, успокаивающим ритмом, вдруг стали ниже. Тише. Как будто вода решила уйти.

Старый лоцман, проживший на море пятьдесят лет, стоял на краю пирса и смотрел на горизонт. Его глаза, выцветшие от соли и ветра, сузились. Он видел это своими глазами: океан просто уходил.

Вода словно исчезала, как будто кто-то выдернул пробку на дне.

— Келл! — крикнул кто-то сзади. Голос был высоким, испуганным. — Келл, что происходит?!

Лоцман не обернулся. Он смотрел на горизонт, где линия воды дрожала, будто живая.

— Не знаю, — ответил он. — Я не знаю.

Чайки не кричали. Они сидели на мачтах — десятки, сотни птиц, — сложив крылья, и молчали. Даже их хриплые голоса, которые Келл слышал каждое утро пятьдесят лет, исчезли.

Вода уходила. Медленно, но неумолимо. Будто мир решал, что океан ему больше не нужен.

Песок дрогнул.

Сначала — едва заметно, будто кто-то прошёлся под землёй. Потом — сильнее. Барханы поползли в стороны, обнажая камни, которых никто никогда не видел. Чёрные, гладкие, с вмятинами, похожими на следы пальцев.

Караван, шедший на север, остановился. Двадцать повозок, гружёных шерстью, солью и редким деревом, замерли посреди пустыни. Верблюды прижали уши и легли на землю, уткнувшись мордами в песок. Люди вышли из повозок, вглядываясь в горизонт.

Там, где небо сходилась с землёй, появилась тонкая чёрная нить. Она росла, пульсировала, дышала.

— Что это? — спросил кто-то. Голос срывался на шёпот.

Никто не ответил. Потому что все смотрели туда, где небо рвалось.

Там, где земля уже ничего не значила — ни для королей, ни для богов, ни для тех, кто живёт между мирами, — над пустотой, которая не принадлежала никому, небо треснуло.

Как ткань, которую кто-то рвёт с двух сторон. Края трещины загибались, пульсировали, дышали холодом — таким сильным, что даже камни под ней начали покрываться инеем.

Изнутри ничего не было видно. Только темнота. Абсолютная, совершенная темнота, которая не отражала свет.

Из неё что-то выпало.

Прямо в песок.

Упало на дюну, и песок осыпался, как будто сам испугался прикосновения.

Воздух стал плотным. Как вода. А потом и он тоже начал исчезать.

И наступила тишина, которой не было конца.

Глава 1

Особняк стоял тихо.

Тяжёлой, давящей, как одеяло, тишиной, которое не скинуть. Эта тишина поселилась в особняке уже несколько дней назад, с той самой ночи, когда они вернулись из Угрюмых Холмов без него.

Морвен не выходила из комнаты Томлина.

Она сидела на его кровати. Ноги поджаты, спина прямая. В руках она сжимала старый мешочек для муки — тот самый, засаленный, с выцветшей тесьмой, который всегда висел у него на поясе. Иногда она проводила пальцем по шву, по потёртой ткани, по завязанному узлу. И снова сжимала. Крепче.

За окном светало. За окном темнело. За окном снова светало. Она не считала дни. Она не смотрела на солнце. Она просто сидела и сжимала.

Дверь комнаты была открыта. Всегда. С той ночи она так и стояла открытой, чтобы он, если вдруг вернётся, мог войти. Чтобы она слышала его шаги. Но шагов не было. Была только тишина.

Фанс стоял в коридоре, глядя на этот проём.

Он уже приходил сюда трижды. Первый раз — утром после возвращения, когда она даже не подняла головы. Второй — через день, когда он принёс чай и нашёл его нетронутым на подоконнике, а её сидящей в той же позе. Третий раз он даже не зашёл — просто постоял, посмотрел и ушёл.

Четвёртого раза не было.

Но сегодня он понимал, что четвёртый раз обязан состояться. Потому что мир не ждал. Потому что у них были враги. Потому что Томлин не вернулся бы, если бы они просто сидели и ждали.

Фанс шагнул в дверной проём.

Комната встретила его тем же, что и в прошлые разы: запахом пыли и старого дерева, полумраком из-за задёрнутых штор, тишиной. Морвен сидела на кровати — та же поза, тот же мешочек в руках.

Она не подняла головы, когда он вошёл.

Фанс остановился в шаге от неё. Стоял, глядя на её руки, сжимающие выцветшую ткань.

— Морвен, — сказал он. Голос звучал ровно. — Ты нужна нам. Нам нужно действовать дальше. Мы не справимся без тебя.

Она не ответила. Её пальцы сжали мешочек сильнее — костяшки побелели.

— Ты слышишь меня?

Она подняла голову. Медленно. Глаза её были сухими, но под ними залегли глубокие тени, и лицо было бледным — как у той, первой Морвен, которую он встретил, когда она ещё была призраком.

— Я не нужна вам, — сказала она. Голос её был ровным, без эмоций, без дрожи. — Я нужна ему.

Фанс сжал губы. Выдохнул. Собрался.

— Его нет, Морвен. Ты знаешь это.

— Ты не знаешь, — сказала она. Голос её не изменился, но в нём появилась сталь. — Ты не знаешь, что там. Ты не знаешь, жив он или нет. Ты даже не знаешь, как это работает. Никто не знает.

— Я знаю, что мы теряем время, — сказал он, и голос его стал жёстче. — Если мир рухнет — его смерть будет бессмысленной. Томлин не хотел бы, чтобы мы сидели здесь и ждали.

Морвен встала.

Это было резко — она просто оказалась на ногах, и Фанс на мгновение отшатнулся. Но она не смотрела на него. Она смотрела в пустоту, туда, где когда-то стоял он.

— Ты думаешь, я забочусь о мире? — спросила она. Голос её стал тихим — таким тихим, что Фанс едва слышал. Но в нём не было слабости. Только лёд. Только та ледяная пустота, которая была страшнее крика. — Мир забрал его. Мир забрал то, что у меня было. — Она повернулась к нему, и в её глазах он увидел то, что не видел никогда раньше. Глухую, абсолютную готовность сжечь всё, что осталось. — Мир может гореть.

Она повернулась к нему спиной.

Фанс стоял, не зная, что сказать. Он видел горе раньше. Он видел отчаяние. Но это было другим. Это была не боль. Это была пустота, которая больше не хотела ничего, кроме молчания.

Он хотел сказать что-то ещё. Что-то, что помогло бы достучаться до неё. Но слов не было.

Он ушёл.

Морвен осталась одна.

Она стояла, глядя на стену, где висел его старый плащ. Потом медленно опустилась обратно на кровать. Снова поджала ноги. Снова сжала мешочек.

За окном снова светало. За окном снова темнело.

А она сидела и ждала.

Время в комнате будто остановилось. Тишина, которая сначала давила на уши, теперь стала густой, почти осязаемой. И в этой тишине, в самом её центре, начал зарождаться едва уловимый шорох, похожий на шелест листьев. В комнате стало чуть светлее. Из воздуха, как из воды, появилась Аэриэль. Она парила у потолка, потом медленно опустилась — села на подоконник, хотя не касалась его. Её тело было полупрозрачным, а края были слегка размыты.

Она не говорила ничего. Просто сидела и смотрела на Морвен.

Долгая тишина.

— Ты пахнешь дождём, — сказала Морвен, не поворачивая головы. — Ты всегда пахнешь дождём.

— Это потому что я часть дождя, — тихо ответила Аэриэль. — Не самая важная часть. Но я там.

Морвен ничего не сказала.

Аэриэль смотрела на неё, но не знала, что сказать. Она никогда не знала, что говорить людям в такие моменты. Ветер не утешает. Он просто дует.

— Я никогда не понимала, почему вы, люди, так тяжело переживаете отсутствие, — сказала она наконец. — Когда меня нет, я просто... не здесь. Но я есть где-то ещё. А когда вы теряете кого-то... вы чувствуете, что его нет нигде.

Она замолчала, подбирая слова.

— Мне кажется, это ужасно, — добавила она. — Быть нигде.

Морвен посмотрела на мешочек.

— Раньше я не боялась этого, — сказала она. — Я была призраком, я была нигде. А потом он сказал мне, что я дома.

Она провела пальцами по ткани.

— А теперь он сам — нигде, — прошептала она.

Аэриэль не знала, что на это сказать. Она чувствовала, как воздух в комнате становился тяжелее. Она хотела помочь, но не знала как. Она делала то единственное, что умеет: она подошла ближе — не касаясь, но садясь рядом на пол, так что их плечи почти соприкасались.

— Я не знаю, как это исправить, — сказала она. — Но я знаю, что ты не одна. Я здесь. Я не умею утешать, но я могу быть рядом.

Морвен молчала. Но её дыхание становилось глубже.

Прошло время. Может, минута. Может, десять.

— Мне кажется, я больше не могу здесь оставаться, — сказала Аэриэль.

Морвен медленно повернула голову.

— Что?

— Я не знаю, где моё место, — сказала Аэриэль. — Здесь я чувствую себя... чужой. Я не человек, я не могу жить в доме, спать, есть, чувствовать так, как вы. Я ветер. А ветра не живут в домах.

Она опустила глаза в пол.

— Томлин называл меня «дух ветра». И он был прав. Я дух. Я должна быть там, где я могу быть свободной. Я должна найти своё место. Не то, где меня принимают... а то, где я нужна.

Она подняла глаза.

— Я не знаю, что это за место. Но я должна его найти.

Морвен смотрела на неё долго. Потом, на мгновение, её рука слегка дёрнулась, будто она хотела коснуться Аэриэль. Но она этого не сделала.

— Ты уходишь, — сказала она.

— Да, — ответила Аэриэль. — Но я вернусь. Я не знаю, когда. Но я вернусь.

Морвен отвела взгляд.

— Я понимаю, — сказала она. — Я тоже искала своё место. Я нашла его. А теперь потеряла всё.

Она замолчала. Потом произнесла тихо, почти шёпотом:

— Но я не перестану искать. Даже если он умер... я найду способ вернуть его. Я не знаю как, но я найду.

Она сжала мешочек крепче.

— Я не сдамся.

Аэриэль посмотрела на неё. Она увидела что-то новое в её глазах. Что-то, чего раньше не было. Или было, но она не умела это различать.

— Ты сильная, — сказала она. — Я всегда это чувствовала. Когда я смотрела на тебя, я чувствовала... напряжение. Я не знала, что это значит. Но теперь я понимаю. Это была сила.

Она поднялась.

— Когда я найду своё место, я пришлю тебе ветер, — сказала она. — Просто чтобы ты знала, что я помню.

Она стала прозрачнее, её края начали таять.

— Прощай, Морвен.

Морвен посмотрела на пустое место, где только что была Аэриэль.

— Прощай, — прошептала она.

Тишина.

Осталась только она и огонь в груди, который она сама ещё не осознала.

Гостиная особняка была полна людей, но в ней царила та же тишина, что и во всём доме. Сэр Октахад стоял у камина, его доспехи тускло блестели в свете догорающих свечей. Боррин сидел на скамье, опустив руки на колени, его борода была растрёпана, а взгляд устремлён в пол. Элдор прижимал к груди розового кролика, который тихо сопел, уткнувшись носом в его рукав. Профессор Элбин сидел в кресле, сжимая в руках пустую шкатулку из-под обелиска, и его пальцы дрожали. Леди Иви с маэстро Муррицио на коленях сидела у окна, глядя на засыпающий сад. Даже ящер, Ардем-младший, притих у двери, поджав хвост.

Фанс стоял у стола, развернув карту, но не смотрел на неё.

Все ждали.

Шаги на лестнице раздались неожиданно. Тихо, но отчётливо. Ступенька скрипнула, потом ещё одна. Кто-то спускался медленно, но без колебаний, будто знал, куда идёт.

Морвен вошла в гостиную.

Она была бледной, под глазами залегли тени, волосы небрежно собраны в хвост — не как обычно, когда она следила за каждой прядью. Одежда была мятой, не той, в которой она ходила раньше. Но она стояла прямо. Её руки были пусты — мешочек остался наверху. И в её взгляде, усталом и сухом, было что-то новое. Что-то твёрдое.

Все повернулись к ней.

Фанс первым нарушил молчание. Он сделал шаг к столу, развернул карту шире, будто приглашая её подойти.

— О, Морвен, — сказал он, и голос его звучал ровно, но в нём слышалась облегчённая нотка. — Тебя как раз не хватало. Мы должны действовать. Наш мир в опасности, а мы даже не до конца понимаем, в чём дело.

Он ждал, что она подойдёт к столу. Она не двинулась.

— Фанс, — сказала она. Голос её был тихим, но в нём не было слабости. — Я не намерена бросать Томлина, где бы он ни был.

Она перевела взгляд на карту, на стол, на всех, кто смотрел на неё.

— Я найду Томлина. Я не знаю, как, но я найду способ вернуть его. Если вы ищете ответы о мире — ищите. Я буду искать ответы о нём.

Тишина. Она не повысила голоса, но слова повисли в воздухе, как вызов.

Фанс сжал край стола. Он пытался говорить спокойно, но в голосе прорезалось раздражение, которое он больше не мог скрывать.

— Его нет, Морвен. — сказал он, и каждое слово звучало как удар. — Ты не можешь искать того, кого нет. Мы должны сосредоточиться на том, что мы можем спасти.

Морвен шагнула вперёд. Один шаг. Ровно столько, чтобы оказаться напротив него, за столом.

— Ты видел его смерть? — спросила она. Голос её дрогнул, но не сломался. — Почему ты так уверен, что он мёртв?

Она не ждала ответа.

— Я не знаю, где он. Но я знаю, что он не просто умер. Я чувствую это.

Она повернулась. Быстро. Резко. И пошла назад к лестнице, ведущей к комнате Томлина.

Дверь за ней хлопнула.

Тишина, которая осталась, была тяжелее, чем до её прихода.

Первым зашевелился Элбин.

Он поднялся медленно, опираясь на подлокотники кресла. Лицо его было серым, морщины глубже, чем вчера, глаза потухшие. Он смотрел на дверь, но видел что-то другое.

— Я должен уйти, — сказал он. Голос его звучал тихо, но отчётливо.

Он перевёл взгляд на Фанса.

— Это всё... слишком опасно для меня. Я старый учёный, я не воин. Я не могу рисковать жизнью.

Он сжал шкатулку в руках — пустую, бесполезную.

— Я вернусь в Академию. Там есть архивы... может быть, я найду что-то полезное, если буду в безопасности.

Он встретился взглядом с Фансом.

— Прости. Я не могу.

Фанс не попросил его остаться. Он просто кивнул. Молча. Медленно.

Дверь за Элбином закрылась тихо. Не хлопнула — просто мягко встала на место, будто он уже не хотел беспокоить этот дом своим присутствием.

В гостиной вновь повисла тяжёлая тишина. Слышно было, как потрескивают догорающие свечи, как где-то в саду ветер шевелит листву, как дышит Ардем-младший у двери, прижав хвост к животу.

Фанс стоял у стола. Он смотрел на карту, на линии, которые он рисовал, на пометки, которые уже казались бесполезными. Потом его рука сжалась в кулак, и он с силой ударил по столу.

Грохот разнёсся по комнате. Чернильница подпрыгнула, несколько перьев скатились на пол. Сэр Октахад вздрогнул, его доспехи слабо звякнули. Леди Иви прижала к себе маэстро Муррицо, кот приоткрыл один глаз, но не шелохнулся. Боррин поднял голову, и в его взгляде мелькнуло понимание.

— Чёрт! — сказал Фанс. Голос его был глухим, с хрипотцой, которую никто не слышал в нём раньше. — Что с нами происходит? Мы должны быть вместе.

Он провёл рукой по лицу, тяжело выдохнул. Его пальцы дрожали — он не пытался их унять.

Ардем поднял голову. Он лежал у камина, положив морду на передние лапы, и его глаза, тусклые и усталые, смотрели на Фанса.

— Боюсь, Морвен переубедить не получится, — сказал он тихо. Голос его был ровным, без привычной ворчливости, и в этом было что-то новое. Тяжёлое. — Я знаю, что такое терять. И я знаю, что, когда теряешь, никто не может тебя вернуть. Только ты сам решаешь, когда остановиться.

Он замолчал на мгновение, потом добавил:

— Но даже без неё мы должны действовать.

Фанс поднял голову. Он смотрел на дракона, на его тусклую чешую, на усталые глаза, и в его взгляде мелькнуло уважение.

— Ты прав, — сказал он. — Возможно, мы единственные, кто знает о проблеме... Или нет?

Сэр Октахад шагнул вперёд. Его доспехи, всё ещё покрытые царапинами и вмятинами, скрипнули, когда он повернулся к Фансу.

— Ты думаешь, есть те, кто уже сталкивался с этим, как и мы? — спросил он. Голос его звучал глухо.

Фанс посмотрел на него. Потом перевёл взгляд на карту, на линии, которые он рисовал, на точки, которые он отмечал. Провёл пальцем по одной из них.

— Возможно, — сказал он. — Я думаю, это нам и предстоит выяснить.

Элдор поднял голову от кролика, который мирно сопел у него на руках. Его голос был тихим, неуверенным, но в нём слышалось беспокойство.

— И к кому мы обратимся? — спросил он. — Не сочтут ли нас безумцами?

Фанс усмехнулся. Криво, без веселья.

— Будем надеяться, что нет, — сказал он. — Потому что если нас сочтут безумцами, мы останемся совсем одни.

Тишина в гостиной стала чуть легче.

Морвен сидела на полу у кровати Томлина. Спина к стене, колени поджаты к груди.

Слёзы пришли не сразу. Сначала была просто тяжесть — в груди, в горле, в глазах. Она не могла дышать, но не плакала. А потом что-то внутри треснуло, и они потекли. Тихо, беззвучно, одна за другой.

Она вспомнила, как впервые увидела его.

Тот дурацкий разговор в пекарне. Он стоял с открытым ртом и смотрел на неё, как на привидение. Ну, она и была привидением. А он — просто пекарем. Он не боялся её. Он даже не сомневался — просто согласился помочь. «Ладно, — сказал он тогда, — но только если мы будем делать перерывы на обед. Я не могу искать пропавших отцов на пустой желудок». Она тогда подумала: «Какой идиот». А сейчас она отдала бы всё, чтобы услышать его голос ещё раз.

Она вспомнила ярмарку у дворфов.

Как он впервые попробовал эль — «Каменное брюхо» Брунди. Как его лицо расплылось в блаженной улыбке. Как он пытался повторить боевой клич дворфов и чуть не упал со скамьи. Как она тогда сидела на бочке и смотрела на него — на его дурацкую улыбку, на его руки, которыми он так смешно жестикулировал. Он был пьян, счастлив и абсолютно беззащитен. И она тогда почему-то улыбнулась. Впервые за долгое время.

Она вспомнила, как они улетали от клоунов.

Как Ардем петлял в воздухе, как пироги с лимонным кремом свистели мимо ушей. Как он кричал: «Влево!», и она едва успевала пригнуться. Как он схватил её за руку — впервые по-настоящему, когда она стала почти материальной, — и она дёрнула его на спину дракона. Как она тогда почувствовала его пальцы на своём запястье. Тёплые. Настоящие. И как он потом спросил: «Ты меня поймала?» — с таким удивлением, будто она сотворила чудо. А она просто не могла отпустить.

Она вспомнила друидов.

Как старый друид сказал, что она должна уйти, что её время истекло. Как она начала растворяться, чувствуя, как холод разливается по телу. Как он побежал за ней — пекарь, лучник, дурак, который никогда не умел сдаваться. Как он прыгнул и схватил её за руку, когда она уже почти исчезла. «Я люблю тебя, — сказал он тогда. — Не уходи». И мир остановился. Она помнила это тепло — его руки, его слова, его взгляд. Она помнила, как упала в его объятия, как почувствовала его дыхание на своей коже. И как потом, на поляне, стоя на коленях, смотрела на него и не могла поверить, что это правда. Что он есть. Что он любит её.

Она сжала мешочек так сильно, что костяшки побелели.

— Ты дурак, — прошептала она. Голос её дрожал, срывался. — Ты просто дурак. Зачем ты полез туда? Зачем?

Слёзы текли по щекам, капали на мешочек, оставляя тёмные пятна на ткани.

Она закрыла глаза. И вдруг — мысль.

Резкая. Ясная. Как луч света в темноте.

Друиды.

Она вспомнила, как старый друид говорил о «Тонких Местах» — границах между мирами, где реальность истончается. Как он касался её запястья плющом и чувствовал её связь с миром духов. Как он сказал: «Ты цепляешься за берег, когда течение давно унесло твою лодку». Тогда она не поняла. Тогда она просто хотела остаться.

А теперь она поняла.

Если есть границы между мирами, значит, есть и способ пересечь их. Если она была призраком и вернулась — значит, есть путь обратно. Если она могла коснуться его, будучи мёртвой, — значит, есть способ найти его, даже если он потерян.

Она открыла глаза.

Слёзы всё ещё текли, но в её взгляде появилась надежда.

Друиды. Они помогли ей, когда она была потеряна. Они могли помочь ей снова.

Она медленно поднялась. Ноги дрожали, но она стояла.

Она посмотрела на дверь. Там, за ней, был коридор. Лестница. Гостиная. Люди, которые ждали. И мир, который не собирался ждать.

— Я найду тебя, — сказала она тихо, почти шёпотом. — Я не знаю как. Но я найду.

Она шагнула к двери. Первый шаг был тяжёлым. Второй — легче.

Она шла к ним, чтобы сказать, что ей нужно уйти. Чтобы сказать, что она знает, куда идти. Что она будет искать его — даже если весь мир скажет ей, что это бессмысленно.

Морвен спускалась по лестнице быстро, почти бегом. Её шаги гулко разносились по коридору, и в них слышалось что-то новое. Живое. Почти забытое.

Она влетела в гостиную, и все обернулись.

Фанс стоял у стола, сжимая край карты. Боррин поднял голову от кружки. Сэр Октахад замер у камина. Элдор оторвался от кролика. Леди Иви посмотрела на неё поверх головы маэстро Муррицио. Даже ящер поднял морду от пола.

Морвен не остановилась. Она метнулась к лестнице, ведущей в её комнату, и на ходу бросила:

— Мне нужно уехать! Я всё объясню потом!

Она скрылась наверху. В комнате послышался грохот — она собирала вещи, быстро, с той же лихорадочной энергией, с которой только что спускалась.

Все переглянулись.

Фанс вышел из-за стола, подошёл к лестнице, поднял голову вверх.

— Морвен! — крикнул он. — Ты не можешь просто уйти! Мы должны действовать вместе!

Сверху донёсся её голос, приглушённый, но твёрдый:

— Я знаю, что делаю!

Фанс сделал шаг вверх по лестнице, остановился.

— Морвен, ты нам нужна! Мы не справимся без тебя! — в его голосе слышалось напряжение. Он пытался говорить спокойно, но не получалось. — Ты сама говорила, что не бросишь нас!

На лестнице показалась Морвен. Она спускалась с небольшим мешком за плечом, в старом дорожном плаще, и в её глазах горело что-то, чего никто не видел в них с той ночи.

— Я не бросаю вас, — сказала она, проходя мимо Фанса. — Я ищу его.

Она направилась к выходу. У двери её остановил Боррин.

Он стоял, держа в руках узелок, перевязанный бечёвкой. Его лицо было хмурым, борода растрёпанной, но в глазах — что-то тёплое. Он молча протянул узелок.

— Хлеб, — сказал он коротко. — В дорогу. Свежий. Сейчас испёк. — Он помолчал, потом добавил тихо: — Я тоже по нему скучаю.

Морвен взяла узелок. Кивнула.

— Спасибо, — сказала она.

Ардем поднялся с пола у камина. Он был медленным, тяжёлым — чешуя тусклая, крылья опущены. Но он подошёл к ней, наклонил голову, заглянул в глаза.

— Найди его, — сказал он, и голос его был глухим, без привычной ворчливости. — Найди и привези обратно. У меня тут пироги без него недоеденные остаются.

Морвен почти улыбнулась.

— Найду, — сказала она.

Она шагнула к двери. Элдор, стоявший у окна с кроликом на руках, поднял руку и пома-
хал ей. Кролик, на мгновение проснувшись, тоже дёрнул ухом, будто прощаясь.

Морвен толкнула дверь и вышла.

Холодный вечерний воздух ударил в лицо. За спиной остался особняк, тусклые огни в
окнах, люди, которые смотрели ей вслед. Она выдохнула и пошла вперёд — по тропинке, мимо
старого дуба, мимо заросшего сада, к воротам.

Она не оборачивалась. Она знала, что если обернётся — может не уйти.

А впереди были дорога. Лес. Друиды. И надежда, которую она сжимала в груди так же
крепко, как мешочек Томлина — который она так и не выпустила из руки.

Глава 2

Дверь за Морвен закрылась.

В гостиной повисла та же тишина, что и раньше, — но теперь в ней было что-то другое.
Не пустота. Не безнадёжность. Что-то похожее на ожидание.

Фанс стоял у стола, глядя на закрытую дверь. Его пальцы сжимали край карты так, что
побелели костяшки. Он не пытался её догнать. Не крикнул вслед. Просто стоял и смотрел.

Первым нарушил молчание Ардем.

— Ну что, — сказал он, и голос его звучал глухо, но в нём слышалась та самая решимость,
которой так не хватало последние дни. — Остались мы. Что дальше?

Фанс медленно повернулся к столу. Его лицо было напряжённым, но в глазах горел холод-
ный, ровный огонь.

— Дальше мы ищем ответы, — сказал он. — Морвен права в одном: мы не можем сидеть
здесь и ждать. Мы должны действовать. Но не так, как она. Нам нужно не просто искать —
нам нужно понимать.

Он провёл рукой по карте, по линиям, которые он рисовал ночами, по точкам, которые
отмечал.

— Мы не знаем, с чем имеем дело. Мы знаем только, что церковь что-то замышляет. Что
храмы связаны друг с другом. Что они охотятся за артефактами. Но мы не знаем — зачем. И
не знаем — кто за ними стоит.

— Мы будем искать в городах Аргоста. Это наша земля. Здесь мы знаем людей, здесь у нас есть связи. Кто-то должен был заметить, что церковь что-то затевает. Кто-то должен был видеть, как они собирают артефакты, как они готовятся к чему-то.

Боррин поднял голову от кружки. Он сидел на скамье, опустив руки на колени, и в его глазах мелькнуло что-то живое.

— Я собирался в Радаг, — сказал он. — За продовольствием. Там много народу, много слухов. Могу поспрашивать у местных. Рыбаки, торговцы — они всегда что-то знают. Даже если не хотят говорить.

Он помолчал, погладил бороду.

— В тавернах языки развязываются быстрее, чем в дворцовых залах.

Элдор поднял голову от кролика, который всё ещё сидел у него на руках. Он выглядел неуверенно, но в его голосе слышалась твёрдость, которой в нём раньше не было.

— Я поеду с тобой, — сказал он. — Если ты не против. Я знаю травников и аптекарей, они тоже много слышат. Может быть, кто-то из них заметил что-то странное в последнее время.

Боррин посмотрел на него, потом кивнул.

— Хорошо. Поехали.

Фанс перевёл взгляд на Ардема.

— Мы с тобой летим в Малет, — сказал он. — Там есть люди, которые могут знать больше, чем говорят. И там... — он замолчал на мгновение, — там мы можем найти следы.

Ардем поднял голову. Его глаза, тусклые и усталые, но живые, встретились с взглядом Фанса.

— Я готов, — сказал он. — Если кто-то ещё не устал летать.

Сэр Октахад шагнул вперёд. Его доспехи звякнули, когда он выпрямился во весь рост — насколько это было возможно для осьминога в латах.

— Я полечу с вами, — сказал он. Голос его звучал глухо, но в нём слышалась твёрдость. — Мои доспехи ещё не разучились летать. И мне не сидится на месте.

Фанс посмотрел на него, потом кивнул.

— Хорошо. Ты с нами.

Леди Иви сидела у окна, прижимая к себе маэстро Муррцио. Она слушала молча, не перебивая. Когда Фанс повернулся к ней, она просто покачала головой.

— Мы останемся здесь, — сказала она. — Кто-то должен охранять дом.

Муррцио приоткрыл один глаз, зевнул и снова закрыл его.

Фанс кивнул. Он не спорил. Он знал, что она права.

— Тогда решено, — сказал он. — Боррин и Элдор — в Радаг. Мы с Ардемом и Октахадом — в Малет. Леди Иви — остаётся здесь. Мы встречаемся через неделю. Если кто-то найдёт что-то важное — дайте знать.

Он посмотрел на дверь, за которой скрылась Морвен.

Ардем медленно поднялся, расправляя крылья. Они дрожали, но он держался.

— Когда вылетаем? — спросил он.

Фанс посмотрел на карту, на уходящее за окном солнце.

— Завтра на рассвете.

Он свернул карту и убрал в саквояж. Все начали расходиться по своим делам — кто-то собирать вещи, кто-то проверять оружие, кто-то просто молча сидеть у камина и смотреть в огонь.

За окном опускались сумерки. Где-то там, за горизонтом, уходила в ночь Морвен. Где-то там, в темноте, ждали враги.

Но они больше не ждали.

Они действовали.

Вечер был занят приготовлениями.

Боррин ходил по кухне, собирая мешок. Он перекладывал буханки хлеба — плотные, румяные, с хрустящей корочкой, которые испёк ещё утром. Завернул их в чистую ткань, сунул в мешок. Потом задумался, пошарил рукой под прилавком и достал небольшой нож. Клинок был коротким, тусклым, с потёртой рукоятью. Боррин покрутил его в руках, потом сунул в ботинок — глубоко, так, чтобы не мешал при ходьбе, но всегда был под рукой.

— На всякий случай, — пробормотал он себе под нос. И ещё раз проверил, крепко ли держится нож.

Фанс собрал свой саквояж. Он перебирал вещи методично, без лишних движений: карты, чернила, запасные перья, несколько свитков с записями, которые он делал ночами. Задумался, сунул в боковой карман маленький флакон с чем-то тёмным — зелье, купленное ещё в прошлом году у торговца на рынке. Он не знал, сработает ли оно. Но лучше иметь его, чем не иметь. Закрыл саквояж, затянул ремни и поставил у двери.

Сэр Октахад сидел у камина, расстелив на полу кусок кожи и разложив инструменты. Он работал молча, сосредоточенно, проводя щупальцами по пластинам доспехов, нанося смазку,

проверяя крепления. Каждое движение было точным, почти медитативным. Иногда он останавливался, склонял голову, вслушиваясь в ощущения — в ту самую песню металла, которую он так боялся потерять в храме. Доспехи отвечали ему мягким, едва слышным звоном.

В амбаре было тепло и пахло сеном. Ардем лежал на подушках, а рядом с ним, уткнувшись носом в его бок, сидел ящер. Он не спал. Он смотрел на дракона с выражением, в котором смешивались тревога и преданность.

— Ты надолго улетаешь? — спросил ящер тихо.

— Не знаю, — ответил Ардем. — Может, на пару дней. Может, на дольше.

— А я останусь?

— Ты останешься. Будешь главным здесь, пока меня нет.

Ящер выпрямился. Его глаза расширились.

— Главным?

— Ага. Следи за домом. За леди Иви. За Муррцио. Если кто-то придёт — ты первый, кто их встретит. Ты же умеешь рычать?

— Я умею, — сказал ящер и тут же продемонстрировал: — Р-р-р-р-р!

Прозвучало не очень грозно, но он старался.

— Молодец, — сказал Ардем. — Я знал, что на тебя можно положиться. Просто будь внимателен. И, если что... чихни.

— Я буду, — сказал ящер. И снова прижался к его боку.

Ардем закрыл глаза. И на мгновение позволил себе просто дышать.

Фанс вышел в гостиную. Он был почти готов — саквояж в руке, плащ на плечах. Он остановился у двери и посмотрел на камин, на догорающие угли, на пустой диван, на котором ещё недавно сидела Морвен.

Потом он повернулся и увидел их.

Ардем стоял у входа — огромный, уставший, но собранный. Чешуя его тускло блестела в свете свечей, крылья были сложены, но в каждом движении чувствовалась готовность. Рядом с ним, на полу, сидел ящер. Он смотрел на Ардема с такой преданностью, что это было почти смешно.

Фанс посмотрел на ящера. Потом перевёл взгляд на Ардема.

— Так долго мы будем называть его «Ардем-младший»? — спросил он. Голос его звучал ровно, но в нём слышалась лёгкая, почти незаметная усмешка. — Ему нужно своё имя. Не может же он быть вечно в тени тебя.

Ящер поднял голову. Его глаза расширились.

— Своё... имя?

Ардем посмотрел на него, потом на Фанса. В его взгляде мелькнуло что-то — может быть, понимание.

— Есть идеи? — спросил он.

Фанс пожал плечами.

— У него есть целая ночь, чтобы его придумать, — сказал он. — Я думаю, он справится.

Ящер смотрел на них обоих, и в его глазах горел маленький, робкий огонёк гордости.

Утро встретило их серым, холодным светом. Небо было низким, с редкими просветами, и ветер дул с северо-востока, неся запах дождя.

Боррин и Элдор уехали на рассвете. Повозка, гружёная мешками с припасами, медленно покатила по дороге к Радагу. Боррин сидел на козлах, сжимая в руках вожжи, и смотрел вперёд. Элдор устроился сзади, среди мешков, прижимая к себе розового кролика, который, вопреки здравому смыслу, увязался с ним в дорогу. Фанс проводил их взглядом, кивнул на прощание и повернулся к Ардему.

— Пора.

Ардем расправил крылья. Сэр Октаход, уже в доспехах, аккуратно забрался на спину дракона, стараясь не цепляться за чешую. Фанс поднялся следом, устроился впереди, сжимая в руках саквояж.

— Ну что, — сказал Ардем, и в его голосе слышалась старая, привычная бодрость. — Держитесь крепче.

Он оттолкнулся от земли. Крылья ударили по воздуху раз, другой — и земля ушла из-под ног.

Особняк становился всё меньше, превращаясь в тёмное пятно среди зелёных полей. Вот уже исчезли очертания сада, крыши амбара, фигурка леди Иви на крыльце. Только ящер — Функель, как он сам решил назвать себя ночью, — стоял на пороге и смотрел в небо, пока они не превратились в точку.

Ардем летел ровно, без рывков. Крылья его двигались мерно, как сердце старого, уставшего зверя. Ветер свистел в ушах, и в этом свисте было что-то успокаивающее.

— Малет примерно в двух часах, — сказал Фанс, глядя на карту. — Если не сбавим скорость.

Какое-то время они летели в тишине. Внизу проплывали поля — золотистые, зелёные, с редкими тёмными пятнами лесов. Маленькие домики, разбросанные по холмам, казались игрушечными. Где-то внизу крестьяне работали в полях — фигурки, согнутые над землёй, едва различимые с высоты. Один из них поднял голову, увидел тень дракона и замер, прикрыв глаза от солнца.

Фанс смотрел вниз, на эту мирную картину, и думал о том, что они даже не знают, какая опасность над ними нависла. Они живут своей жизнью — сеют, жнут, пекут хлеб, растят детей. А за горизонтом уже собирается буря.

Он отвёл взгляд и повернулся к сэру Октахад, который сидел позади него, аккуратно сложив щупальца на пластинах доспеха.

— Сэр Октахад, — сказал Фанс. Его голос был ровным, любопытным, без давления. — У меня есть вопрос.

— Слушаю, — ответил рыцарь.

— Ты рыцарь, — сказал Фанс. — Но у тебя нет ордена. Я ни разу не видел у тебя знака принадлежности. Ты не носишь герба. Ты не следуешь кодексу — по крайней мере, не тому, что я знаю.

Он помолчал, давая словам осесть.

— Почему ты один?

Сэр Октахад замер.

На мгновение он перестал двигаться — даже его щупальца, обычно нервно перебиравшие воздух, застыли. Только ветер свистел вокруг, только крылья Ардема хлопали в такт дыханию.

Тишина затягивалась.

Ардем, почувствовав это, чуть сбавил скорость, давая рыцарю время собраться с мыслями.

Сэр Октахад поднял голову. Его глаза, тёмные, влажные, смотрели куда-то вдаль — туда, где поля сменялись холмами, а холмы уходили за горизонт.

— Это долгая история, — сказал он наконец. Голос его звучал глухо, как эхо в пустом зале.

Сэр Октахад вновь замолчал. Только ветер свистел в ушах, только крылья Ардема мерно хлопали в такт дыханию. Внизу проплывали поля, леса, редкие деревушки — мирная, спокойная картина, которая не имела никакого отношения к тому, что он собирался сказать.

— Некогда я был в ордене, — сказал он наконец. Голос его звучал глухо, с металлической хрипотцой. — «Орден Крепкого Узла». Может быть, ты слышал о нём.

Фанс покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Не слышал.

Сэр Октахад кивнул, будто ожидал этого.

— Орден был небольшим. Нас было четверо: я, ещё три рыцаря. Мы были... разными. Но мы были близки. Как братья. Мы поклялись защищать друг друга, что бы ни случилось. Мы верили, что вместе мы сможем всё.

Он замолчал. Его щупальца, обычно подвижные и нервные, замерли, прижавшись к пластинам доспеха.

— А потом случилось событие, — сказал он тихо. — Я не хочу говорить о нём. Не сейчас. Но оно развалило орден. Мы разошлись. Каждый пошёл своей дорогой. И я остался один.

Он поднял голову, посмотрел вперёд, туда, где горизонт смывался с серым небом.

— Я не знаю, где они сейчас, — сказал он. — Живы ли они. Помнят ли они о старых клятвах. Я скучаю по ним. По тем временам. Когда мы были вместе, я чувствовал, что у меня есть дом. А теперь...

Он не договорил.

Тишина, которая повисла после его слов, была тяжёлой, но не давящей. В ней слышалось уважение — уважение к тому, что он решился сказать, и к тому, что он решил не говорить.

Фанс смотрел на него долго. Потом кивнул.

— Я не буду настаивать, — сказал он. — Ты расскажешь, когда будешь готов.

Сэр Октахад снова кивнул. Медленно, будто сбрасывая с себя тяжесть.

Ардем чуть накренился, поймав восходящий поток, и снова выровнялся. Внизу, вдалеке, уже виднелись очертания Малета — серые крыши, дымовые трубы, узкие улочки.

— Мы почти на месте, — сказал дракон.

Ардем опустился на землю в сотне шагов от городских ворот. Посадка была мягкой — он уже научился не грохотать, когда приземляется, особенно в местах, где люди не привыкли к драконам.

Фанс спрыгнул с его спины, поправил саквояж. Сэр Октахад слез следом, его доспехи звякнули, когда он коснулся земли. Ардем сложил крылья и посмотрел на стену, где уже маячила фигура стражника.

Стражник был невысоким, круглолицым, с усами, которые топорщились в разные стороны. Он опёрся руками о край стены и закричал. Громко. Так, чтобы точно слышали.

— Эй! В город с драконом нельзя! У нас тут правила!

Фанс поднял голову. Поморщился — звук был неприятным. Он сложил ладони рупором и крикнул в ответ:

— А куда его тогда деть?!

Стражник задумался. На мгновение. Потом снова закричал:

— Не знаю! Это не мои проблемы! Но в город нельзя!

— Он не опасный! — крикнул Фанс.

— Все так говорят! — крикнул стражник. — А потом оказывается, что дракон съел трёх коз и одну бабу! Нам двух троллей в прошлом хватило, мы больше не рискуем!

— Он не ест коз! — крикнул Фанс, чувствуя, как у него начинает болеть горло.

— А что он ест?!

Фанс открыл рот, закрыл. Подумал.

— Хлеб! — крикнул он наконец. — Он ест хлеб!

Стражник нахмурился. Прищурился. Посмотрел на Ардема, который сидел в стороне и смотрел на эту перепалку с выражением глубокого драконьего терпения.

— Хлеб? — переспросил стражник с подозрением.

— Да! Хлеб! — подтвердил Фанс. — И пироги! Он ест пироги! У него даже есть любимый рецепт!

— И что за рецепт? — спросил стражник, явно начиная сбиваться с мысли.

— С корицей! — крикнул Фанс, чувствуя, что ситуация окончательно выходит из-под контроля.

Стражник наклонил голову, обдумывая это.

— С корицей... — протянул он. — Ну... Это меняет дело.

Он помолчал, глядя на Ардема, потом снова на Фанса.

— Но всё равно в город нельзя!

Фанс хотел ответить что-то ещё — может быть, более острое, — но Ардем тихо коснулся его плеча кончиком крыла.

— Оставь, — сказал он негромко. — Я останусь здесь. Мне не сложно.

Фанс обернулся. Ардем смотрел на него спокойно, без обиды.

— Я посижу в поле. За городом. Если что — я здесь. А вы идите, узнавайте.

Он помолчал, потом добавил:

— Если кто-то захочет меня покормить, я не откажусь.

Стражник со стены смотрел на них, подозрительно шурясь. Но уже без прежней враждебности.

— Эй, дракон! — крикнул он. — Ты правда любишь пироги с корицей?

Ардем поднял голову. Посмотрел на стражника. И очень серьёзно кивнул.

Стражник задумался. Потом махнул рукой:

— Ладно, проходите! Но чтоб я его на стенах не видел!

Фанс вздохнул. Он чувствовал себя одновременно победителем и проигравшим. Потом повернулся к Ардему.

— Мы скоро вернёмся, — сказал он.

— Я никуда не улечу, — ответил дракон. — Идите уже. Пирогов принесите.

Фанс усмехнулся — впервые за долгое время — и пошёл к воротам. Сэр Октахад двинулся за ним, его доспехи тихо позвякивали при каждом шаге.

Ардем остался сидеть в поле, глядя им вслед. Ветер шевелил его чешую, и в его глазах, усталых и тёплых, мелькнуло что-то похожее на надежду.

Фанс и сэр Октахад прошли через городские ворота.

Малет встретил их шумом и запахами. Узкие улочки, вымощенные булыжником, петляли между домами с черепичными крышами. Где-то звенела посуда, кто-то ругался, где-то пел пьяный голос. В воздухе смешивались ароматы свежего хлеба, жареного мяса и лошадиного навоза — привычный, домашний запах любого торгового города.

Они вышли на главную площадь. Здесь было оживлённо — торговцы раскладывали товары, дети бегали между ног прохожих, где-то на углу старик играл на дудке незатейливую мелодию. В центре площади, на старом каменном постаменте, стоял покосившийся фонтан с мутной водой.

Фанс остановился, оглядываясь. Он разминал шею, разглядывал вывески, таверны, лотки с овощами и тканями.

— Нам нужна таверна, — сказал он. — Та, где собираются не только местные, но и приезжие. Там всегда больше слухов.

Сэр Октахад кивнул. Его щупальца, прижатые к доспехам, слегка подрагивали от напряжения — он был настороже, готовый к любой неожиданности.

И неожиданность не заставила себя ждать.

Из толпы, как будто из ниоткуда, появилась старуха. Маленькая, сутулая, в тёмном платке. Она двигалась быстро и целеустремлённо — как человек, который знает, что ему нужно. Схватила Октахада за щупальце.

— Ой! — воскликнула она. — Дай-ка я тебе погадаю, сынок! Я вижу, ты многое повидал, у тебя рука такая интересная...

Она сжала щупальце крепче, уже заглядывая в него, будто это была самая обычная рука. Потом замерла.

Её глаза расширились.

Она перевела взгляд с щупальца на Октахада. И обратно.

— Это... что... у тебя... — пробормотала она, не разжимая пальцев. — Вместо руки?

Сэр Октахад посмотрел на неё сверху вниз. В его голосе не было злости — скорее лёгкая, снисходительная усталость, которую он копил годами.

— Это щупальце, — сказал он спокойно. — Вряд ли вы сможете что-то по нему прочитывать. По крайней мере, что-то вразумительное.

Он мягко, но уверенно высвободил щупальце из её рук. Старуха, не отрываясь, смотрела на него, и её рот всё ещё был слегка приоткрыт.

— А... ну... — пробормотала она.

— Идём, — сказал Октахад, обращаясь к Фансу. — Пока она не предложила погадать по моим доспехам.

Фанс едва сдержал усмешку.

Они ушли с площади, оставляя старуху стоять на месте, всё ещё смотрящей им вслед, с выражением абсолютного недоумения на лице.

Они прошли ещё квартал, прежде чем Фанс остановился у покосившейся вывески. На ней было нарисовано что-то, отдалённо напоминающее кружку, из которой торчала рука. Или нога. Или что-то среднее. Надпись гласила: «У Толстого Краба».

— Выглядит достаточно... непритязательно, — сказал сэр Октахад, разглядывая вывеску с сомнением.

— Именно такие места нам и нужны, — ответил Фанс и толкнул дверь.

Внутри было шумно, дымно и тесно. Столы были расставлены в два ряда, между ними с трудом протискивались посетители. Пахло жареным мясом, прокисшим элем и чем-то сладковатым, что, вероятно, пыталось скрыть два предыдущих запаха. В углу кто-то играл на лютне, но явно не ради денег — скорее ради того, чтобы заглушить собственные мысли.

Фанс огляделся, нашёл свободный столик в углу и направился к нему, лавируя между стульями и локтями. Сэр Октахад следовал за ним, аккуратно убирая щупальца, чтобы не задеть никого из посетителей. Несколько голов повернулись в их сторону — осьминог в доспехах был не самым привычным зрелищем даже для такого заведения, — но взгляды тут же отводились: у каждого были свои дела.

Они сели за стол. Фанс положил саквояж на колени, сэр Октахад аккуратно сложил щупальца перед собой.

К ним почти сразу подбежала официантка. Она была высокой, стройной, с острыми ушами и усталым взглядом человека, который повидал слишком много пьяных посетителей за одну смену.

— Что будете? — спросила она, вытирая руки о передник. — Молодые... люди?

Последнее слово она произнесла с лёгкой заминкой, окинув взглядом Октахада.

— Вишнёвый сидр, — сказал Фанс. — И солёную воду, — добавил он, кивнув на Октахада.

Официантка перевела взгляд с Фанса на рыцаря. Приподняла бровь, но переспрашивать не стала.

— Сейчас принесу.

Она ушла, через минуту вернулась с двумя кружками и поставила на стол. Вишнёвый сидр был тёмно-красным, пенистым, от него шёл сладковатый запах. Солёная вода была просто водой — в мутноватой кружке, с парой кристаллов соли на дне.

Фанс сделал глоток, оглядывая зал. За соседним столом двое торговцев спорили о ценах на шерсть. В углу пьяный гном рассказывал что-то невнятное троице слушателям, которые, судя по всему, не очень-то и слушали. У стойки стоял мужчина в потёртом плаще и что-то тихо говорил бармену.

— Кто здесь может знать что-то полезное? — тихо спросил Октахад, тоже оглядываясь.

— Пока неясно, — ответил Фанс. — Но кто-то из этих людей надеюсь видел больше, чем хочет показать.

Фанс откинулся на спинку стула, поднёс кружку к губам и сделал небольшой глоток, продолжая наблюдать. Он искал того, кто выглядел бы здесь чужим — такого же приезжего, как они сами, но только с другим грузом на душе. Взгляд его скользил по залу, пока не остановился на одиноком дворфе за дальним столом.

Фанс не спеша поднялся из-за стола. Взял кружку с сидром, сделал глоток и, чуть покачиваясь — ровно настолько, чтобы выглядеть естественно, — направился к столику в углу.

Коренастый дворф, с широкими плечами и бородой, заплетённой в три косы. Перед ним стояла почти пустая кружка, и он смотрел в неё с таким выражением, будто искал там ответы на вопросы, которые не решался задать вслух.

Фанс подошёл, остановился на мгновение, словно выбирая место, и резко опустился на стул напротив дворфа. Тот поднял глаза — настороженно, но без враждебности.

— О! — сказал Фанс, чуть растягивая слова. — А я смотрю, тут есть компания! А то я уже засиделся, всё с этим... — он махнул рукой в сторону своего стола, — ...с этим осьминогом. Хороший парень, но молчит как рыба. Скучно.

Дворф нахмурился, но не прогнал его.

— Ты местный? — спросил он недоверчиво.

— А? — Фанс сделал ещё один глоток, потом поставил кружку на стол и постучал по ней пальцем. — Ну... бываю. Торгую. Немного. Всякое. А ты? Я вижу, ты тоже не из этих мест?

Дворф помолчал. Потом пожал плечами — широко, тяжело.

— Из Монтегравиты, — сказал он. — Приехал по делам. Не очень удачным, если честно.

— Дела — они такие, — Фанс понимающе покивал. — То идут, то не идут. А тут, говорят, в последнее время много всего происходит. Ты слышал?

Он наклонился чуть ближе, доверительно.

— Говорят, церковь что-то затевает. В храмах какие-то странные вещи происходят. Ты не знаешь?

Дворф насторожился. Его пальцы, державшие кружку, чуть сжались.

— Я слышал, — сказал он негромко. — Но такие вещи лучше не обсуждать вслух. Особенно с незнакомцами.

— А я и не незнакомец! — Фанс улыбнулся, слишком широко. — Я просто... хочу знать, что происходит. Чтобы быть готовым. Ты же понимаешь.

Он сделал ещё глоток, давая дворфу время подумать. За соседним столом кто-то громко рассмеялся. Где-то звякнула посуда.

Октахад, сидевший за своим столом, обернулся и бросил короткий взгляд в их сторону. Фанс заметил это краем глаза и едва заметно покачал головой — всё в порядке.

Дворф помолчал ещё немного. Потом глубоко вздохнул и отодвинул пустую кружку.

— Ладно, — сказал он. — Ты прав. Что-то происходит. Я ехал с караваном из Аргоста, и мы видели странные вещи. В одном из храмов, на окраине Малета, ночью горели огни. Не свечи — другие. Холодные, синие. И туда приезжали люди в белых плащах.

Он наклонился ближе, понизив голос.

— Говорят, они что-то ищут. Что-то древнее. И я не знаю, что это, но мне кажется, что искать им это не стоило.

Фанс замер. Он не делал больше пьяного вида — теперь он смотрел на дворфа внимательно, холодно, трезво.

— Ты знаешь, где именно находится тот храм? — спросил он.

Дворф посмотрел на него долгим взглядом. Потом усмехнулся.

— Ты ведь не торговец, — сказал он. — Я знаю.

Он замолчал, давая Фансу время ответить.

И Фанс медленно кивнул.

Дворф смотрел на него с прищуром. Его пальцы больше не сжимали кружку — они лежали на столе неподвижно, и в этой неподвижности чувствовалась готовность.

Фанс выдержал паузу. Потом улыбнулся — примирительно, даже немного виновато.

— Ладно, — сказал он, разводя руками. — Ты прав. Я не торговец.

Он помолчал, будто собираясь с мыслями.

— Я травник, — сказал он. — Ищу редкие ингредиенты. Слышал, что в тех краях можно найти кое-что полезное. Но мне нужно знать, где именно.

Дворф усмехнулся. Коротко, без тепла.

— Травник, — повторил он. — Ага. А вчера я был эльфийским принцем.

Он поднялся из-за стола, и Фанс понял, что разговор окончен.

— Слушай, приятель, — сказал дворф, и голос его был твёрдым, без капли сомнения. — Я не знаю, кто ты и зачем тебе это. Но я тебя не знаю. И не доверяю. Найди другого дурака для своих вопросов.

Фанс тоже поднялся. Он не пытался его удержать — только поднял ладони в примирительном жесте.

— Я не хотел тебя обидеть, — сказал он спокойно. — Просто ищу информацию.

Дворф уже разворачивался к выходу, но на мгновение задержался. Бросил через плечо:

— Если хочешь что-то узнать — говори с трактирщиком. Он знает больше, чем все мы. Но меня больше не беспокой. А то можно и в глаз получить за такие расспросы.

Он махнул рукой и направился к двери, оставляя Фанса стоять у пустого стола.

Фанс посмотрел ему вслед. Потом медленно опустился обратно на стул, взял кружку с сидром, сделал глоток. Дворф вышел, хлопнув дверью.

Октахад, сидевший за своим столом, обернулся. Фанс встретил его взгляд и едва заметно покачал головой — ничего, всё в порядке.

Потом перевёл взгляд на стойку, где стоял трактирщик. Крупный, лысый, с лицом, которое видело слишком много чужих тайн.

Фанс поставил кружку на стол и поднялся. Октахад, заметив это, тоже встал, оставляя свою нетронутую солёную воду на столе. Они пересекли зал, лавируя между столами, и остановились у стойки.

Трактирщик был крупным мужчиной с лысой головой и широкими плечами. Он протира́л кружку грязным полотенцем и смотрел на них с лёгким подозрением — как смотрят на людей, которые не похожи на обычных посетителей.

Фанс опёрся локтем о стойку, чуть покачиваясь.

— Эй, — сказал он с лёгкой заплетающейся интонацией. — Мы тут с товарищем, рыбаки из Радага. Приехали отдохнуть. Может, ты нам чего расскажешь? Как тут у вас, что в городе? Ничего странного в последнее время не было?

Трактирщик перестал тереть кружку. Посмотрел на Фанса, потом на Октахада. Его взгляд был тяжёлым, оценивающим.

— Странного? — переспросил он. — Это ты про что?

Фанс пожал плечами, стараясь выглядеть беззаботно.

— Ну, не знаю... Люди странные. Дела странные. Всякое.

Трактирщик медленно поставил кружку на стойку. Сложил руки на груди.

— Странные люди здесь только вы двое, — сказал он ровно. — Обычно рыбаки не спрашивают про странные дела. Они пьют, жалуются на жизнь и уходят.

Он склонил голову набок, и в его голосе появилась сталь.

— Я не знаю, что вы ищете. Но, может, вам стоит поискать это в другом месте.

Фанс открыл рот, чтобы сказать что-то ещё, но в этот момент мужчина, сидевший за стойкой рядом с ними, резко встал.

Он был невысоким, но плотным, с лицом, пересечённым шрамом от виска до подбородка. Он поставил кружку на стойку с глухим стуком и повернулся к ним.

— Слушайте, — сказал он, и голос его был низким, безразличным, но в нём чувствовалась угроза. — Если вам нужны странные вещи — езжайте в Накаду. К магам. Там полно странных вещей. А здесь вы только неприятности получите, если продолжите лезть с вопросами.

Он посмотрел на Фанса. Потом на Октахада.

— Вам понятно?

Фанс выдержал паузу. Потом медленно кивнул.

— Понятно, — сказал он. — Извините. Мы не хотели никого беспокоить.

Он сделал шаг назад. Октахад последовал за ним, его щупальца были плотно прижаты к доспехам, и в каждом движении чувствовалась готовность.

Фанс развернулся и пошёл к выходу, не оглядываясь. Октахад двинулся за ним.

Дверь трактира закрылась за ними с глухим стуком.

Они стояли на улице. Вечерний воздух был прохладным, на площади зажигались первые огни.

— Не самый удачный разговор, — сказал Октахад тихо.

— Зато информативный, — ответил Фанс. — Теперь мы хотя бы знаем, что здесь не любят вопросы.

Он задумался, глядя на закрывшуюся дверь.

— И что кто-то очень не хочет, чтобы мы их задавали.

Они стояли у закрытой двери трактира, и в наступающих сумерках Малет казался чужим и недружелюбным городом.

— Знаешь, — сказал Фанс, не поворачивая головы, — а может, нам действительно стоит отправиться в Накаду?

Октахад, стоявший рядом, повернулся к нему. В голосе его слышалось удивление.

— В Накаду? Это же... довольно далеко.

— Далеко, — согласился Фанс. — Но если маги действительно могут что-то знать — это может стоить того. Мы не знаем, с чем имеем дело. Мы даже не знаем, кто стоит за церковью. А там, возможно, есть ответы. Или хотя бы наводка.

Он помолчал, обдумывая.

— И потом, — добавил он. — Если мы будем тащиться через весь Аргост, задавая вопросы в каждой таверне, нас или убьют, или посадят. Мне кажется, лучше рискнуть и попытаться найти тех, кто знает больше.

Октахад кивнул. Медленно, обдумывая.

— Я не против, — сказал он. — Но дорога дальняя. Если мы полетим без остановок — Ардем устанет. Нам нужно будет где-то отдыхать. Может быть, сделать остановку в каком-нибудь городе или деревне по пути.

Фанс посмотрел на него.

— Хорошая мысль. Мы найдём место, где можно будет переночевать и пополнить припасы.

Он повернулся и пошёл к воротам. Октахад двинулся следом.

Они вышли за городские ворота, в прохладу вечернего поля. Ардем сидел там же, где они его оставили, — огромная зелёная гора чешуи на фоне темнеющего неба. Он уже поднимал голову, чтобы спросить, как всё прошло, но не успел.

Прямо у ворот, словно ждали, стояли дворфы.

Их было четверо. Впереди — тот самый, из трактира. Коренастый, с бородой в три косы, с лицом, которое не сулило ничего хорошего. Он скрестил руки на груди и смотрел на Фанса без капли дружелюбия.

— Вот они, — сказал он, кивая в сторону Фанса и Октахада. — Те самые. Задают вопросы, притворяются торговцами, а сами что-то ищут.

Трое других дворфов выступили вперёд. У них не было оружия — по крайней мере, видимого, — но их позы были напряжёнными, готовыми. Один из них сжал кулаки — крупные, в мозолях, размером с камни.

Фанс остановился. Октахад замер рядом, его щупальца чуть напряглись, но он не спешил хвататься за оружие.

— Мы не хотим проблем, — сказал Фанс спокойно, поднимая ладони. — Мы просто уйдём. Улетим отсюда.

— Слишком поздно, — ответил дворф из трактира. — Ты уже задал слишком много вопросов.

Он шагнул вперёд. За ним двинулись остальные.

Октахад потянулся к мечу. Он не обнажал его — просто положил ладонь на рукоять, показывая, что готов защищаться.

— Я не советую вам приближаться, — сказал он ровно. — Мы не хотим драки. Но если вы настаиваете...

Дворфы не остановились.

И тут из темноты, из-за спин дворфов, бесшумно появилась огромная тень.

Ардем подошёл сзади. Он двигался бесшумно — для дракона своих размеров, — и дворфы не заметили его, пока он не навис над ними. Его голова медленно опустилась, и тень от неё накрыла всех четверых.

— Добрый вечер, — сказал он. Голос его был глубоким, спокойным, с лёгкой хрипотцой. — Я не помешал?

Дворфы замерли.

Первый, тот, что стоял ближе всех к воротам, медленно обернулся. Его глаза расширились, когда он увидел, что стоит прямо у него за спиной. Он попытался что-то сказать, но звука не вышло.

Второй попятился и налетел на третьего. Третий просто застыл, глядя на дракона снизу вверх.

Четвёртый, тот самый дворф из трактира, побледнел так, что стал почти серым. Он переводил взгляд с Ардема на Фанса и обратно, и в его глазах читался ужас.

— Это... это твой... — выдавил он.

— Друг, — сказал Фанс. — Мы не хотим проблем. Мы просто уйдём. Забудьте, что видели нас.

Ардем чуть наклонил голову, разглядывая дворфов с любопытством.

— Вам лучше уйти отсюда, — сказал он спокойно. — И забыть, что вы их видели.

Дворфы не стали спорить.

Они разбежались. Просто развернулись и побежали в разные стороны, не оглядываясь. Через несколько секунд их уже не было видно — только топот, быстро затихающий в темноте.

Ардем посмотрел им вслед. Потом перевёл взгляд на Фанса и Октахада.

— Я чуть не рассмеялся, — сказал он. — Это было... смешно. Как они побежали. Ты видел их лица?

Фанс невольно усмехнулся. Потом покачал головой.

— Ладно, — сказал он. — Пора убираться отсюда, пока они не привели подкрепление.

Он подошёл к Ардему, забираясь на его спину. Октахад последовал за ним.

— Летим в Накаду, — сказал Фанс.

Ардем замер. Повернул голову, глядя на Фанса с удивлением.

— В Накаду? — переспросил он. — Это же... далеко.

— Далеко, — согласился Фанс. — Но нам нужны ответы. Маги могут знать больше, чем мы.

Ардем помолчал. Потом в его глазах мелькнула искра — почти радостная.

— Знаешь, — сказал он, — в Накаде к драконам относятся лучше. Гораздо лучше, чем здесь, в Аргосте. Там нас не боятся. Уважают. Даже почитают иногда.

Он чуть расправил крылья, будто уже предвкушая.

— Не то чтобы я жаловался, — добавил он поспешно. — Но когда на тебя смотрят как на чудовище, а не как на собеседника... это утомляет.

Он посмотрел вперёд, туда, где за горизонтом уже начиналась ночь.

— Так что да. Накада. Хороший выбор. — сказал он. — Держитесь.

И оттолкнулся от земли. Крылья ударили по воздуху раз, другой — и они поднялись в темнеющее небо, оставляя Малет позади.

Глава 3

Дорога в Радаг тянулась через холмы и поля, медленная, пыльная, убаюкивающая. Повозка покачивалась на ухабах, Боррин сидел на козлах, сжимая в руках вожжи, а Элдор устроился сзади, среди мешков с припасами, прижимая к себе розового кролика.

Сначала они ехали молча. Боррин был сосредоточен на дороге, Элдор — на своих мыслях. Кролик мирно сопел у него на руках, и казалось, что вся эта поездка будет такой же тихой и однообразной.

Но потом Элдор заговорил.

— Боррин, — сказал он, чуть наклонившись вперёд. — Я хотел спросить...

— Спрашивай, — ответил дворф, не оборачиваясь.

— Как ты научился печь? — спросил Элдор. — Ну... булочки. Они такие воздушные. Я никогда не мог понять, как это делается.

Боррин повернул голову. На его лице появилось выражение, которое Элдор ещё не видел — смесь гордости и тёплого воспоминания.

— О, это долгая история, — сказал он. — Но если хочешь — расскажу.

Элдор кивнул, устраиваясь поудобнее.

— Я хочу.

Боррин откашлялся, поправил вожжи и начал.

— Всё начинается с муки. Не с любой. Мука должна быть правильной. Не слишком тонкой, не слишком грубой. Я всегда использую ту, что мелют на старых жерновах в предгорьях. Там, где ветер дует с севера, мука получается особенной — она дышит.

Он сделал паузу, проверяя, слушает ли Элдор. Тот слушал внимательно, его глаза были устремлены на Боррина.

— Потом вода, — продолжил Боррин. — Не из колодца, нет. Вода должна быть отстоявшейся, тёплой. Чтобы дрожжи чувствовали себя как дома. Я всегда говорю: если ты не уважаешь дрожжи, они не уважают тебя.

Элдор моргнул.

— Дрожжи... уважают?

— Конечно, — сказал Боррин. — Это же живые существа. Они тоже чувствуют. Если ты торопишься, злишься, думаешь о чём-то плохом — они обижаются. Тесто не поднимается. Но если ты спокоен, если ты думаешь о хорошем... оно растёт, как на дрожжах.

Он усмехнулся собственной шутке.

— Потом соль. Щепотка — и ни грамма больше. И масло. Масло должно быть свежим, растопленным. Когда я добавляю его в тесто, оно становится мягче. И руки — важнее всего. Тесто любит руки. Не лопатки, не ложки — руки. Ты должен чувствовать его под пальцами, знать, когда оно готово, когда просит ещё чуть-чуть муки.

Он протянул руку вперёд, будто показывая что-то невидимое.

— А потом — ожидание. Самое трудное. Ты оставляешь его в тепле, накрываешь полотенцем, и ждёшь. Иногда час. Иногда два. Ты должен дать тесту время, чтобы оно поняло, чего ты от него хочешь.

Элдор слушал, открыв рот. Его пальцы машинально гладили кролика, но всё его внимание было приковано к Боррину.

— А... как ты узнаёшь, что тесто готово? — спросил он.

Боррин повернулся к нему. В его глазах блеснула искра.

— Оно само скажет тебе, — ответил он. — Ты просто должен уметь слушать.

Элдор не ответил. Он смотрел на Боррина, и в его взгляде было что-то новое. Не просто любопытство. Уважение.

Повозка катилась дальше, и Боррин продолжал рассказывать — о температуре печи, о том, почему булочки пекутся именно столько времени, а не больше, о том, как корочка становится золотистой и хрустящей, а внутри остаётся мягкой. Он говорил с такой любовью, с таким знанием, что Элдор забыл обо всём на свете.

Розовый кролик, услышав голос Боррина, приоткрыл один глаз. Потом закрыл и снова уснул. Дорога уходила вперёд, туда, где ждал Радаг. Но пока они были только здесь — на холмах, под небом, между рассказами о муке и тепле.

Боррин замолчал. Некоторое время они ехали в тишине, только колёса поскрипывали на ухабах, да ветер шевелил траву по обочинам. Потом дворф повернул голову и посмотрел на Элдора.

— Ну а ты? — спросил он. — Как ты стал магом?

Элдор вздрогнул, будто его выдернули из глубокой задумчивости. Он перевёл взгляд с горизонта на Боррина и замялся. Пальцы его, гладившие кролика, чуть замедлились.

— Я... — начал он и замолчал. Потом снова начал: — Я не знаю, можно ли меня называть магом. По-настоящему, я имею в виду.

Он посмотрел на свои руки.

— Я умею превращать вещи в кроликов. Иногда — в розовых. Иногда — в обычных. Я пытался учиться другим заклинаниям, но у меня ничего не выходило. Только это. Только кролики.

Он усмехнулся — грустно, без веселья.

— И ещё мелочи. Ну... могу зажечь свечу. С закрытыми глазами. Или подогреть чай. Но это так... это даже не считается.

Он поднял глаза на Боррина, будто ожидая, что тот скажет что-то вроде: «Ну, бывает» или «Может, это не твоё». Но Боррин молчал. Он просто смотрел на него — внимательно, без осуждения.

— Когда я учился, — сказал Боррин наконец, — у меня не получалось замесить тесто. Совсем. Руки не слушались, тесто было липким или слишком сухим. И я думал, что никогда не научусь.

Он усмехнулся — но не грустно, а тепло.

— А потом старый пекарь сказал мне: «Боррин, ты пытаешься быть тем, кем не являешься. Ты не должен месить так, как это делают другие. Ты должен месить по-своему». И я понял.

Он повернулся к Элдору полностью, отложив вожжи на мгновение.

— Ты не должен быть таким, как все маги, — сказал он. — Ты должен быть таким, какой ты есть. Если ты умеешь делать кроликов — значит, ты умеешь делать кроликов. Это не приговор. Это просто... твой путь.

Элдор смотрел на него, и в его глазах мелькнуло что-то новое. Неуверенное, но тёплое.

— Ты думаешь, я смогу... что-то большее?

— Я думаю, ты сможешь, если поверишь в себя, — ответил Боррин. — А даже если нет — то что? Кролики — это тоже хорошо. Розовые — особенно. Они радуют людей.

Он подмигнул.

— И потом, у тебя есть мы. Мы не дадим тебе сдаться.

Элдор почувствовал, как его щёки начинают теплеть. Он быстро отвернулся, делая вид, что поправляет кролика, но краешек его губ дрогнул в улыбке.

— Спасибо, — сказал он тихо.

— Не за что, — ответил Боррин и снова взялся за вожжи. — Дорога долгая. Ещё успеем поговорить.

Повозка покатила дальше. Закат разливался по небу золотом и багрянцем, и в этом свете тени от мешков становились длинными и мягкими. Розовый кролик на руках Элдора тихо сопел, а в груди у самого Элдора разливалось что-то тёплое — что-то, чему он ещё не знал названия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.